

Сцена первая

Зима. Возле магазина с розовой вывеской «Колбасы» стоит Андрей – высокий мужчина лет тридцати пяти, а может, и сорока, держит в руках угловатые пакеты с продуктами. На голове у Андрея синяя вязаная шапка с ярким голубым помпоном и длинными ушами, свисающими на плечи. С шапкой не очень вяжутся длинное серое шерстяное пальто, серые брюки со стрелками и остроносые туфли не по погоде. Андрей немного бородат.

Мимо идут люди, одни заходят в «Колбасы», другие выходят из «Колбас» – и так всю сцену.

Рядом с Андреем останавливается компания из трёх весёлых мужиков в одинаковых лохматых шапках. Мужики похожи на братьев, такие они одинаково круглолицые, розовощёкие и пьяные, причём пьяные настолько, что вместо слов используют для коммуникации между собой плаксивые подвывания, перемежаемые взрывами хохота.

Андрей отходит чуть в сторону.

Андрей. Три поросёнка, блин.

Мужики, не обращая на Андрея никакого внимания, продолжают «общаться», после поют – внезапно стройно и чистыми голосами. Андрей смотрит в их сторону, потом на часы на левой руке, затем на дверь в «Колбасы». Мужики, оборвав песню на полуслове, хохочут. Через некоторое время хохот превращается в повизгивания, один из мужиков складывается пополам, держась за живот, и падает головой вперёд – двое других успевают

его подхватить и вернуть в вертикальное положение. Спасённый от падения на мокрый асфальт мужик выдаёт что-то очень похожее на «Ой, я сейчас обоссусь!», захватски хлопает себя ладонями по коленям, резко разворачивается и идёт к «Колбасам». Двое других следуют за ним. Андрей демонстративно разглядывает часы на левой руке, чуть ли не изучает – будто бы пару минут назад на их месте были какие-то другие.

Первый из мужиков бодро распахивает дверь в «Колбасы», заходит внутрь. Второй из мужиков собирается сделать то же самое, но останавливается, разворачивается к третьему и смотрит на него вопросительно. Третий хлопает себя ладонями по дублёнке, натянутой на круглом животе – там, где карманы, – вынимает из левого сигаретную пачку и одноразовую зажигалку, роняет, не замечая, зажигалку на асфальт, наступает на неё, после показывает второму пачку, держа её в руке как пропуск.

Третий. Покурю.

Второй мужик кивает, соглашаясь, и уходит в «Колбасы». Третий тяжело вздыхает и внезапно делается совершенно трезвым – перестаёт топтаться и раскачиваться, избавляется от невнятной улыбки. Вынимает из пачки сигарету, берёт её губами. Снова хлопает себя по карманам, пихает в карманы пухлые кулачки. Смотрит на мокрый асфальт у своих ног, по сторонам, после поднимает взгляд на Андрея.

Третий. Братан.

Андрей старательно смотрит прямо перед собой.

Третий (свистнув). Ау, братан. К тебе обращаюсь.

Андрей поворачивает голову в сторону Третьего.

Третий (большим пальцем вращая колёсико воображаемой зажигалки). Спички не будет у тебя?

Андрей. Нет. (Помедлив.) Не курю.

Третий. ЗОЖ?

Короткая пауза. Андрей смотрит на Третьего.

Андрей. Что?

Третий. Ну ЗОЖ.

Андрей. Не понимаю.

Третий. Здоровый образ жизни же. ЗОЖ. Аббревиатура.

Андрей. А. (Помедлив.) Ну, наверное.

Короткая пауза. Андрей не смотрит на Третьего. Третий смотрит на Андрея.

Третий. Нету спички, значит.

Андрей (вздыхнув). У вас зажигалка выпала, вы на неё наступили.

Третий опасно переступает на пару шагов назад, видит зажигалку, наклоняется, кряхтя, поднимает, выпрямляется. Крутит колёсико. Закуривает.

Третий. Смотри ты – работает!

Андрей криво улыбается.

Третий (пряча зажигалку в карман дублёнки). И как это я не почувствовал, интересно? (Разглядывает подо-

швы своих ботинок, неуклюже поджимая ноги, словно гигантская пузатая цапля.) Наверное, она возле каблука так... (Третий, не договорив, ковыряется пальцем в подошве одного из ботинок.)

Андрей (смотрит на часы, после на дверь «Колбас»). Наверное.

Короткая пауза. Третий курит, внимательно разглядывая Андрея. Тот смотрит прямо перед собой.

Третий. Шапка у тебя крутая.

Андрей (скривившись). Да уж.

Третий. Не нравится, что ли?

Андрей (пожав плечами). Да нет, почему? Нравится.

Третий. Вижу, что не очень. Энтузиазма как-то мало-вато.

Андрей пожимает плечами снова, смотрит на часы. Третий смотрит на Андрея.

Третий. Глаза у тебя какие-то знакомые, братан.

Андрей. Это вряд ли.

Третий. Почему же?

Андрей. Ну... потому.

Третий. Как обычно – по кочану, да?

Андрей. Вроде того.

Короткая пауза.

Третий. Слушай, братан. А давай меняться шапками?

Андрей (смотрит на Третьего). Зачем это?

Третий. Тебе твоя не нравится, а мне – моя. Не шапка, а манул какой-то на голове. А вот твоя мне как раз нравится. Давай меняться, а? Братан?

Пауза. Андрей долго разглядывает шапку Третьего.

Андрей (чуть помедлив). Не могу.

Третий. А, понял, кажется. Жена подарила, да?

Андрей. Связала.

Третий. Тем более. (Помедлив.) Понимаю – обидится. Её ждёшь?

Андрей кивает, снова смотрит на часы. Третий докуривает, идёт к мусорке, давит окурок о край, швыряет в мусорку. Заглядывает в тёмное окно магазина, окружив лицо козырьком из ладоней. Возвращается к Андрею.

Третий. Расслабься, братан. Там очередь в кассу большая.

Андрей оглядывается на «Колбасы», пожимает плечами.

Третий. Слушай. Ну дай хоть померить, а?

Третий срывает со своей головы шапку-манула, наклоняется к Андрею, показывая ему затылок.

Третий. У меня насекомых нет, лишая там всякого, можешь проверить. И голову я сегодня мыл в гостинице.

Андрей. Ну... ладно, наверное.

Третий (выпрямляясь). Я только сфоткаюсь в ней и отдам сразу. (Через короткую паузу.) Очень глаза у тебя знакомые, братан. Очень.

Третий вынимает из внутреннего кармана дублёнки смартфон. Андрей ставит пакеты на мокрый асфальт, стягивает с головы яркую шапку, протягивает её

Третьему. Тот пихает Андрею шапку-манула, хватается шапку Андрея и натягивает её себе на голову. Смотрит на Андрея – тот стоит с лохматой шапкой в руках, по бокам у ног – белые пакеты с продуктами.

Третий (прищурившись). Вадик?

Андрей. Кто?

Третий. Ну – ты. Вадик же!

Андрей. Какой Вадик? Я вообще Андрей.

Третий. Да ладно тебе, Вадик! Я же не зря глаза твои узнал. (Помедлив.) Но сомневался. А сейчас ты шапку снял – и я вижу, что это ты, Вадик. Просто бородой зарос.

Андрей. Вы ошиблись. Я – Андрей.

Третий пару раз тыкает пальцем в экран смартфона, после поднимает руку со смартфоном и фотографирует Андрея – со вспышкой. Тот часто моргает.

Андрей. Зачем это? Удалите, пожалуйста, фотографию.

Третий. Да ты не ссы, Вадик. Я никому не покажу.

Андрей. Удалите, пожалуйста. Я вам шапку подарю – только удалите.

Третий. А ты меня не узнал, да? Неудивительно (ухмыляется) – десять лет назад я шестьдесят весил максимум, а сейчас – под сотку. (Помедлив.) Я – Гоша. Не помнишь?

Андрей. Нет. Удалите фотографию. Пожалуйста.

Гоша. Да удалю, не ссы.

Подходит к Андрею, приобнимает его, вытягивает руку со смартфоном вперёд и чуть вверх, жмёт на экран. Вспышка. Андрей пытается отобрать у Гоши смартфон, но роняет его шапку на асфальт. Поднимает, отряхивает. Гоша отходит чуть в сторону.

Гоша. Не валяй моего манула, раз меняться не собираешься. Дай сюда.

Гоша прячет смартфон в карман дублёнки, подходит к Андрею на шаг, вырывает у него из рук лохматую шапку.

Андрей. Удалите, пожалуйста!

Гоша. Да я удалю, чего ты так волнуешься.

Андрей. При мне удалите, чтобы я видел.

Короткая пауза. Гоша смотрит на Андрея, улыбаясь. После вынимает из кармана смартфон.

Гоша. Что ж ты такой нервный, а? Вадик?

Андрей. Я не Вадик!

Гоша тыкает пальцами в экран смартфона. Показывает его Андрею.

Гоша. Видишь? Нажимаю «удалить».

Гоша, помедлив, тыкает пальцем в экран.

Гоша. Видел? Я удалил.

Андрей (кивая). Спасибо. Не надо больше фотографировать.

Дверь открывается, из «Колбас» выходит высокая, даже выше Андрея, женщина – Варвара, его жена. В правой руке у Варвары – пакет с продуктами, на левом плече – миниатюрная сумочка. Варвара подходит к Андрею, пихает ему пакет. Андрей прижимает пакет к животу.

Варвара (смотрит на голову Андрея, после поворачивается и смотрит на Гошу). Андрей, почему этот кабан в твоей шапке?

Гоша (улыбаясь). А вы жена Вадика, да? А я Гоша.

Варвара. Какого Вадика?

Гоша (указывая на Андрея). Да вот его. Мы с Вадиком десять лет назад вместе в морге работали. Только в другом городе, далеко отсюда. А потом он исчез. Его даже искали. Объявления висели везде – «Пропал человек». А тут я иду с друзьями – мы сюда на конференцию детских патологоанатомов приехали – бац! – Вадик стоит. В классной шапке.

Варвара. Какой Вадик? Какой морг? Какие патологоанатомы?

Гоша. Так детские же!

Андрей. Он обознался.

Короткая пауза.

Варвара. Слушайте, верните Андрею шапку и идите в жопу.

Гоша (улыбается). Нет. Не верну.

Варвара. Шапку сюда отдал! Урод!

Гоша (улыбается). Нет. Пусть Андрей признается, что он – Вадик, тогда верну. А так – нет.

Варвара. Шапку.

Андрей. Варя, давай не будем связываться, а?

Гоша (протягивая Варваре лохматую шапку). Возьмите лучше манула.

Варвара несколько секунд стоит и смотрит на Гошу. После быстро подходит к нему и срывает у него с головы яркую шапку Андрея. Этого ей мало, она ещё и пихает Гошу ладонью в лоб – так, что тот отшатывается, едва

не упав. Варвара подходит к Андрею, наклоняется, засовывает шапку в один из пакетов, стоящих у ног Андрея, берёт их, выпрямляется и быстро идёт прочь. Андрей, всё так же прижимая пакет к животу, бежит за ней.

Гоша натягивает на голову своего манула. Смотрит вслед Варваре и Андрею. Улыбается.

Гоша. Вадик, Вадик – мокрый задик. Был Вадик, стал Андрей. Надо же!

Затемнение.

Сцена вторая

Кухня в квартире Андрея и Варвары. Андрей сидит за столом, перед ним – кружка с остывшим кофе. Варвара, в домашнем халате с большими карманами, стоит спиной к плите, опираясь на плиту поясницей. В руках у Варвары – стакан с вином, вина в стакане – от силы треть.

Варвара. Шапку я постирала. До завтра высохнуть должна.

Андрей. Хорошо.

Варвара. В ванной на змеевике. Если не высохнет, возьмишь другую – старую.

Андрей. Ладно.

Варвара. Хотя старая тебе не идёт. Тебе вообще чёрное не идёт.

Андрей кивает, заглядывает в кружку, отпивает из неё, морщится. Варвара допивает вино, ставит стакан в мойку. Возвращается на прежнее место, смотрит на Андрея. Андрей смотрит в кружку.

Длинная пауза.

Варвара. Андрей, я чего-то о тебе не знаю?

Андрей молчит, разглядывая содержимое кружки.

Варвара. Андрей!

Андрей (не отрываясь от созерцания кофейной гущи). М?

Варвара. Андрей, ты слышишь меня?

Андрей кивает.

Варвара. А словами?

Андрей. Да.

Варвара. Что – «да»?

Андрей. Слышу.

Варвара. А точнее?

Андрей. Я тебя слышу.

Варвара. А глазками?

Андрей отставляет кружку, смотрит на Варвару.

Варвара. Повторить вопрос?

Андрей. Если хочешь.

Короткая пауза.

Варвара (скрестив руки на груди). Я чего-то о тебе не знаю?

Андрей. В смысле?

Варвара. В обычном смысле. Не философском.

Андрей пожимает плечами, снова берётся за кружку, но тут же отставляет её и смотрит на Варвару.

Варвара. Что не так?

Андрей. Ты мне скажи! Я пока не могу понять, чего ты от меня хочешь.

Пауза. Андрей берётся за кружку, но Варвара не даёт ему заглянуть внутрь – подходит, отбирает кружку и ставит её в мойку. Возвращается на прежнее место.

Варвара. Кто это был?

Андрей (помедлив). А я знаю? Маргинал какой-то.

Варвара. Слишком хорошо выглядит для маргинала. Дорого выглядит.

Андрей. Ну, значит, просто пьяный. Обознался.

Варвара. Вряд ли пьяный. От него не пахло.

Короткая пауза.

Андрей (пожимая плечами). Варь, я не знаю. Честно. Может, из школы кто-то.

Варвара. Из тех, что травили тебя, да?

Андрей. Никто меня не травил.

Варвара. Ты же мне сам рассказывал, Андрей!

Андрей. Ну, издевались, да. Немного. Было такое.

Варвара. Немного. То есть насрать человеку в портфель – это «немного поиздеваться»?

Андрей. Варь, ну вот что ты начинаешь, а? Это было давно и не здесь.

Варвара. Но ведь было!

Андрей. Ну было. Теперь-то что? Каждый день вспоминать об этом?

Варвара (помедлив). Вообще неплохо бы. Для профилактики.

Пауза. Варвара смотрит на Андрея. Тот не смотрит вообще никуда.

Варвара. Вадик, ты что – в морге работал?

Андрей. Нет. (Через очень короткую паузу.) Стой, подожди. Зачем ты меня Вадиком назвала?

Варвара. А зачем ты отозвался? Ты Вадик, что ли?

Андрей. А ты тогда кто? Наташа?

Варвара. Меня Наташей при тебе никто не называл.

Андрей. А если не при мне кто-то называет? Я-то откуда знаю?

Короткая пауза.

Варвара. Так ты Андрей или Вадим?

Андрей. Варь, давай завязывай с паранойей.

Варвара. Ну ты можешь просто ответить?

Андрей. Зачем? Что за бред, Варь!

Варвара. Просто ответь.

Андрей выдаёт протяжное «ох», закрывает лицо ладонями и бормочет что-то вроде «твою мать».

Варвара. Так Андрей? Или Вадим?

Андрей (убирая ладони от лица и выпрямляясь). Андрей.

Варвара. Точно?

Андрей. Сто процентов.

Варвара. Зуб даёшь?

Андрей. Даю.

Варвара. Ну-ка.

Андрей открывает рот, цепляет ногтем большого пальца передний зуб и производит характерный щёлкающий звук.

Варвара (неуверенно улыбнувшись). Ну ладно. Так уж и быть – поверю. В этот раз.

Андрей показывает Варваре язык.

Варвара. Но, знаешь ли, осадочек. Его никуда не денешь.

Андрей молчит. Варвара вынимает из кармана халата смартфон, залипает.

Затемнение.

Сцена третья

Библиотека. Справа и слева – стеллажи с книгами, по центру – длинный, ещё советский стол, покрытый рыжим лаком. Перед столом – четыре кресла, в одном из них сидит Андрей, листает журнал. За столом – две женщины непонятного возраста, Лариса и Оксана. Женщины шушукаются и хихикают. На левом краю стола закипает сверкающий электрический чайник советского образца – с толстым чёрным проводом, уходящим под стол.

Женщины вынимают из-под стола чашки – три штуки, чайные ложки, банку с растворимым кофе, полиэтиленовые пакеты с печеньями, мармеладом, пастилой и прочими сладостями. Сладостей очень много, но женщины тем не менее стройные и подтянутые. Они так похожи, что можно подумать, будто бы они сёстры, только на самом деле это не так.

Водрузив всё, что было под столом, на стол, женщины переглядываются пару раз и смотрят на Андрея. Андрей читает журнал.

Лариса. Андрей Евгеньевич, вы кофе будете?

Оксана. И вкусняшки.

Женщины переглядываются и хихикают.

Андрей (не отрываясь от чтения). Какой за день?

Лариса. А вы не считали?

Короткая пауза. Андрей откладывает журнал на подлокотник кресла.

Андрей. Кажется, считал, Лариса Анатольевна. Кажется, считал, но забыл.

Лариса. Анатольевна у нас она, а я – Павловна.

Оксана. Это я – Анатольевна, а она – Павловна.

Андрей. Да? Простите, Лариса... эм... Павловна?

Лариса. Павловна, да. Это я.

Оксана. А я – Анатольевна.

Андрей. Ладно. Лариса Павловна и Оксана Анатольевна.

Лариса. Да, это мы.

Оксана. Но я – Анатольевна.

Женщины смеются. Андрей улыбается.

Андрей. Жаль, что у вас разные отчества.

Женщины хохочут. Андрей смеётся.

Лариса (пытаясь подавить смех). Андрей Евгеньевич, вы это уже сотый, если не тысячный раз говорите.

Андрей (вставая из кресла). Ну простите! Что я могу поделать – голова дырявая!

Женщины хохочут. Хохочет и Андрей.

В помещении заходят две одинаковые старушки в серых пуховых платках, таких же серых ватниках и валенках.

Старушки снимают большие серые рукавицы и рукавицами отряхивают снег с ватников друг друга на ковёр. Топают валенками, стряхивая снег и с них.

Лариса (резко оборвав смех, старушкам). Не поганьте ковёр!

Оксана (скривившись). О господи!

Андрей поворачивается к старушкам. Те поправляют друг на друге платки. Рукавицы болтаются на резинках, пришитых изнутри к рукавам ватников.

Первая старушка. Смеются они тут!

Вторая старушка. Смешно им!

Лариса. Что вам надо?

Первая старушка. Чтоб вы работали нормально, а не ржали тут как кони.

Вторая старушка. Сидят тут две кобылы, развлекаются.

Оксана. Женщина, тут, если что, видеозапись – следите за словами!

Старушки проходят мимо Андрея к столу. Лариса и Оксана по-прежнему сидят за столом.

Первая старушка. Нам карточку.

Вторая старушка. И талон на второе. К терапевту.

Лариса (переводя взгляд с одной старушки на другую). Женщина! Это вообще-то библиотека, а не поликлиника.

Оксана. Поликлиника в соседнем здании. И вообще, у нас обеденный перерыв.

Старушки переглядываются. Первая старушка даёт второй подзатыльник, после обе старушки выходят, по пути пихнув плечом Андрея так, что тот, не удержавшись, садится в кресло.

Оксана (Ларисе). За неделю уже третий раз.

Лариса (выдёргивая шнур закипевшего чайника из розетки). Когда ж они перемрут все!

Оксана (Андрею). Андрей Евгеньевич, вы кофе будете?

Андрей. Вы знаете, Оксана...

Оксана. Анатольевна.

Андрей. Да. Анатольевна. Вы знаете – буду. Даже если и пил сегодня уже четыре раза, то пятый, наверное, можно. А я, кажется, четыре раза.

Лариса. Четыре-четыре, Андрей Евгеньевич. Может, даже и три.

Оксана. Скорее всего, что три.

Андрей. Ну тогда точно буду.

Лариса (Андрею). А сладкое?

Андрей. Ну опять вы!

Оксана. Может, немножечко? Одно печенье? Кокосовое?

Лариса. Там сахара нет почти, кокос один.

Андрей. Ох, ну пожалуйста – не надо меня уговаривать.

Оксана. А зефирку?

Андрей смотрит на Оксану и молчит. Лариса заваривает кофе в каждой из трёх чашек, Оксана смотрит на Андрея, жуёт печенье и улыбается.

Лариса. А вы кремень, Андрей Евгеньевич.

Оксана. Это вас жена заставляет, да?

Андрей. Никто меня не заставляет. Я просто не употребляю сахар. Вот уже второй месяц. Или даже уже третий.

Лариса. Андрей Евгеньевич, я вам подскажу одно предложение хорошее, оно специально для того предназначено, чтобы от вредных привычек избавляться – от того же курения, например, но вы же не курите, да?

Андрей кивает.

Лариса. Там можно любую вредную привычку свою отслеживать – очень легко на самом деле. Я вам сейчас покажу.

Лариса ныряет под стол и возвращается с небольшой чёрной сумочкой, копается в ней, вынимает смартфон. Оксана смотрит на Андрея, жуёт печенье и улыбается.

Андрей. Лариса... эм...

Оксана (сквозь печенье). Павловна.

Андрей. Лариса Павловна, ну зачем?

Лариса (ковыряясь в смартфоне). Ну я просто покажу.

Андрей. У меня всё равно нет мобильного, я же сколько раз вам говорил. (Оксане.) И вам.

Оксана, жуя, кивает и улыбается. Лариса ковыряется в смартфоне.

Андрей. Лариса.

Лариса (отрываясь от смартфона). Ну, может вы купите?

Оксана (сглотнув остатки печенья во рту). Ну пожалуйста!

Андрей. Зачем?

Лариса. А как с вами связаться?

Андрей. На домашний звоните.

Оксана. А если вы не дома?

Андрей. А если я не дома, то я здесь. Где мне ещё быть?

Короткая пауза. Лариса медленно прячет смартфон в сумочку, отправляет её под стол, берёт из пакета зефир, жуёт. Оксана смотрит на Андрея.

Оксана. Ну, это странно, Андрей Евгеньевич.

Андрей делает вопросительное лицо.

Оксана. У всех же есть. А у вас нет.

Андрей. А у меня нет. И напомните мне, если не трудно, который раз мы с вами это обсуждаем?

Лариса и Оксана переглядываются, смеются. Андрей встает, подходит к столу, берёт свою чашку – чёрную, с белыми буквами «coffee», отхлёбывает из неё, идёт к своему креслу, садится.

Андрей. Вы простите меня, конечно, Лариса Павловна и Оксана Анатольевна, но какой-то день сурка, честное слово. Можем мы с вами наконец закрыть некоторые темы – раз и навсегда?

Оксана. А вдруг вы передумаете?

Андрей. Я – не передумываю.

Оксана. Никогда?

Андрей. Никогда.

Оксана. Никогда-никогда?

Андрей вздыхает, отворачивается, молча пьёт кофе. Лариса и Оксана улыбаются, жуют.

Лариса. А вы кремень, Андрей Евгеньевич.

Андрей (не глядя на Ларису). Вы это уже говорили.

Короткая пауза.

Оксана. Андрей Евгеньевич.

Андрей молчит.

Оксана. Ну Андрей Евгеньевич!

Андрей (не глядя на Оксану). М?

Оксана. Ну не дуйтесь.

Андрей. Я не дуюсь. Не маленький уже, чтобы дуться.

Лариса (улыбаясь). А дуется как маленький.

Андрей. Ай, да ну вас!

Лариса и Оксана смеются. Андрей смотрит на них, улыбается.

Оксана. Андрей Евгеньевич, съешьте мармеладку.

Андрей (без злобы). Идите в жопу.

Лариса и Оксана хохочут. Андрей смеётся.

Лариса (отсмеявшись). Андрей Евгеньевич, а вы всегда в библиотеке работали?

Андрей (отхлебнув из чашки). В этой – не всегда, а так – да.

Оксана. Так странно, мужчина – и в библиотеке.

Андрей. А что странного? Я и учился на библиотечном.

Лариса. С детства мечтали, что ли, в библиотеке работать?

Андрей. Ну, не с детства. Но со школы точно.

Оксана. И что – нигде, кроме библиотеки? Никогда-никогда?

Андрей. Нет, ну я подрабатывал, когда учился. Но это давно было.

Лариса. А где подрабатывали?

Андрей (чуть помедлив). Ну... в морге. Грузчиком. Это на первом курсе ещё. Денег не хватало, и...

Оксана (перебивает). В морге?

Андрей. Ну... да. Так получилось. Девяностые всё-таки.

Лариса. И что вы там делали?

Андрей. Вы точно хотите знать?

Лариса и Оксана жуют, не улыбаясь. Через длинную паузу переглядываются, сначала улыбаются, после смеются с набитыми ртами. Смотрят на Андрея.

Оксана. Вы шутите, Андрей Евгеньевич! (Ларисе.) Он шутит!

Андрей. Да вроде нет.

Лариса. Ой, да ладно вам!

Андрей. Ну серьёзно!

Лариса и Оксана смеются, Андрей не выдерживает и смеётся вместе с ними.

Оксана (сквозь смех). Ну признайтесь!

Андрей пожимает плечами, продолжая смеяться.

Лариса (отсмеявшись). Ну вы даёте, Андрей Евгеньевич!

Оксана (отсмеявшись). Идите-ка вы уже домой, Андрей Евгеньевич!

Андрей, спохватившись, смотрит на часы. Из-за резких движений проливает немного кофе себе на брюки, но не замечает этого.

Андрей. Так рано же, целый час ещё.

Лариса. Идите домой, Андрей Евгеньевич, идите. Никто не придёт.

Оксана. А даже если и придёт.

Короткая пауза.

Андрей (пожимая плечами). Ну... ладно.

Андрей ставит чашку на стол, идёт куда-то за стеллажи. Лариса и Оксана выкатываются из-за стола – обе в стареньких инвалидных колясках. Андрей возвращается, в руках у него пальто и простая чёрная шапка.

Андрей (напяливая пальто и шапку). До завтра, мои хорошие.

Лариса. До завтра, Андрей Евгеньевич.

Оксана. До завтра. Варваре – привет!

Андрей наклоняется по очереди к Ларисе и Оксане, обнимает, целует в щёку. Те обнимают и целуют его в ответ.

Андрей. Пока.

Лариса и Оксана молча смотрят на Андрея, улыбаются. Андрей разворачивается и выходит.

Короткая пауза, после которой Лариса и Оксана возвращаются на прежние места. Некоторое время молча едят сладости, пьют кофе.

Лариса. Поссорились они, что ли?

Оксана молча пожимает плечами. Женщины, жуя сладкое, смотрят в никуда.

Через минуту Лариса ныряет под стол за сумочкой, вынимает из неё смартфон, залипает. Чуть погодя то же самое делает и Оксана.

Затемнение.

Сцена четвёртая

Кабинет Психотерапевта – розовые стены, массивный стол-тумба, три красных кресла (обивка из искусственной кожи местами сильно потрескалась, кое-где даже виден жёлтый поролон набивки), в углу возле окна – массивный вентилятор на металлической ноге. На столе – фигурка роденовского «Мыслителя», тубик с клеем и электрическая точилка в виде гориллы, в рот которой нужно вставлять карандаш.

Андрей сидит в кресле напротив стола. Психотерапевт – седовласый мужчина, поразительно похожий на известного американского кинорежиссёра – сидит на офисном стуле за столом. Андрей и Психотерапевт смотрят друг на друга.

Андрей. А зачем вам эта горилла? Не вяжется с «Мыслителем».

Психотерапевт. Это точилка. Для карандашей.

Андрей. Так у вас же нет карандашей!

Психотерапевт. Когда-нибудь появятся. По крайней мере, я на это надеюсь.

Короткая пауза. Андрей вытирает ладони о колени. Психотерапевт молчит, смотрит на Андрея и улыбается.

Андрей. Ну... я так понимаю, мне нужно что-то говорить о том, как я себя чувствую?

Психотерапевт. Нет. Раздевайтесь.

Пауза. Андрей смотрит на Психотерапевта. Тот молчит и улыбается.

Андрей. Это настолько необходимо?

Психотерапевт. Абсолютно.

Андрей. А зачем?

Психотерапевт. Меня интересует ваш габитус.

Андрей. Что, простите?

Психотерапевт. Габитус.

Андрей. Я не знаю, что это такое.

Психотерапевт. Вам и не надо.

Короткая пауза.

Психотерапевт. Ну же! Раздевайтесь.

Андрей. Ладно.

Андрей медленно снимает с себя свитер, майку.

Андрей. Брюки тоже снимать?

Психотерапевт. Конечно.

Андрей садится в кресло, снимает туфли, потом брюки, за ними – голубые трикотажные панталоны. Встаёт в трусах и носках.

Психотерапевт. Всё, всё снимайте.

Андрей. И трусы?

Психотерапевт. Естественно. И носки тоже.

Андрей. А вы точно психотерапевт?

Психотерапевт широко улыбается. Андрей снимает носки.

Психотерапевт. Хорошая шутка.

Андрей. В каком смысле?

Психотерапевт. Ну как же! Мем такой.

Андрей. Что такое мем?

Психотерапевт. Вы серьёзно?

Андрей. Ну я правда не знаю!

Короткая пауза. Андрей стоит в трусах. Психотерапевт встаёт из-за стола, подходит к вентилятору, включает.

Психотерапевт. Давайте, давайте. Быстренько.

Андрей снимает трусы, кладёт их поверх остальной одежды. Стоит, прикрывая причинное место ладонями.

Психотерапевт. Руки по швам.

Андрей подчиняется, но вряд ли с большой охотой. Психотерапевт несколько раз обходит Андрея по кругу, внимательно разглядывая и время от времени утвердительно кивая.

Андрей. Когда можно будет одеться?

Психотерапевт. Через минутку.

Психотерапевт делает ещё один круг.

Психотерапевт. Неплохая фигура.

Андрей. Что, простите?

Психотерапевт. Одевайтесь.

Андрей одевается, торопясь.

Психотерапевт. Курите?

Андрей. Нет.

Психотерапевт. И не пробовали?

Андрей. Не пробовал. Не вижу смысла дышать дымом.

Психотерапевт. Да, вы правы. Это глупо.

Андрей натягивает свитер. Психотерапевт садится на своё место за столом.

Психотерапевт. Я закурю, вы не против?

Андрей. Ну... курите.

Психотерапевт вынимает из внутреннего кармана пиджака пачку сигарет и спички. Вынимает сигарету, отправляет в рот, чиркает спичкой, закуривает.

Психотерапевт. Вообще-то я трубку курю. Но сегодня забыл её дома. Пришлось зайти в магазин и купить эту дрянь.

Пауза. Андрей молча смотрит на Психотерапевта, тот курит, стряхивая пепел прямо на стол.

Психотерапевт. А теперь давайте поговорим.

Андрей. А что осмотр моего?..

Психотерапевт (перебивая). Габитуса?

Андрей. Да. Его.

Психотерапевт (разгоняя рукой дым). Это вас не должно волновать. Габитус и габитус – хрен с ним, да?

Андрей. Ну... не знаю.

Психотерапевт. А я знаю.

Короткая пауза.

Психотерапевт. Ну – рассказывайте!

Андрей. О чём?

Психотерапевт. Что у вас стряслось, зачем вы ко мне пришли – всё вот это вот. Все ваши проблемки.

Пауза. Андрей смотрит на Психотерапевта. Тот бычкует окурок прямо о поверхность стола, вынимает следующую сигарету, отправляет в рот, чиркает спичкой, закуривает.

Андрей. Ладно.

Очень длинная пауза.

Андрей. Вот знаете – говорят: «Будь собой». Я постоянно это слышу – и вижу. Даже на майках такое пишут – «Будь собой». А «собой» – это кем? Кто этот другой «я», которым так необходимо быть? Получается, что – якобы – есть некий «настоящий я», которым я нынешний не являюсь. А где найти этого «настоящего»? Где его откапывать? И как, если вдруг откопал, понять, тот ли это «я» или же опять поддельный? И есть ли вообще какой-нибудь «я» в принципе? Если всё то, чему я за жизнь научился, слушая других людей, не моё, то что тогда моё? Чистое, ничем не замутнённое животное состояние? Но зачем, если я – человек? Если я – сумма всех тех людей, которые в меня вложились? Даже тупо биологически я – половинка мамы, половинка папы. Ну я про ДНК, вы же знаете. Но чёрт бы с ней, с биологией. Меня сейчас больше личность волнует. Получается, что я – это некая мозаика из кусочков других людей, которые, в свою очередь, тоже такие же мозаики из кусочков следующих других людей – и так далее. Всё вот здесь (Андрей стучит себя указательным пальцем по лбу) – чужое. Ничего моего, кроме мяса, жира и костей. Да и те как будто бы в аренду взяты. Как в таком случае быть собой? Где мне взять мою подлинную личность?

Пауза. Психотерапевт, глядя на Андрея, закуривает третью сигарету, предварительно забычковав окурок предыдущей прямо о поверхность стола.

Психотерапевт. Это вас на самом деле настолько волнует?

Андрей. Ну... да.

Короткая пауза.

Психотерапевт (широко улыбнувшись). Да расслабьтесь вы! Нет никакой личности. Ни подлинной, ни фальшивой.

Андрей. Подождите, но...

Психотерапевт (перебивает). Нашли мне тоже проблему! Шелуха это всё, мой дорогой. Шелуха! Вот так вот (Психотерапевт смахивает рукавом со стола сигаретный пепел) – вжух! – и нет ничего. Как и не было. Просто не думайте об этом. Это вообще неважно. Мало ли в жизни глупых фраз, написанных на дурацкой одежде! Из-за всех париться, что ли?

Андрей. Ну а как же?..

Психотерапевт (снова перебивает). Да никак. Вот честно.

Андрей открывает рот, порываясь снова что-то сказать, но Психотерапевт поднимает указательный палец и делает им «а-та-та!». Андрей закрывает рот.

Психотерапевт. Давайте, говорите истинную причину вашего ко мне прихода.

Андрей. Но я же только что...

Психотерапевт (в третий раз перебивает). Разногласия со второй половинкой?

Андрей смотрит на Психотерапевта вопросительно. Тот улыбается.

Психотерапевт. У вас кольцо на правой руке. Но вы точно не левша. Значит, сняли с левой, но совсем убрать побоялись – и надели на правую. Не совсем разрыв, но конфликт. И не обязательно внешний. (Помедлив.) Давайте – рассказывайте.

Короткая пауза.

Андрей (вздыхнув). Она меня душит. Не в буквальном смысле, конечно, а... Ну, вы понимаете.

Психотерапевт кивает.

Андрей. Заставляет шапку дурацкую носить.

Психотерапевт. Так не носите. «Потеряйте» где-нибудь. Что вы как маленький!

Короткая пауза. Андрей смотрит на Психотерапевта. Тот улыбаясь, курит очередную сигарету.

Андрей. Подозревает меня во всяком.

Психотерапевт. В чём?

Андрей. Ну... например, что я – не тот, за кого себя выдаю.

Психотерапевт. А вы – тот?

Длинная пауза. Андрей не смотрит на Психотерапевта, вращает пальцами левой руки кольцо на безымянном пальце правой. Психотерапевт, уже не улыбаясь, курит.

Андрей. Понимаете, так сложилось...

Психотерапевт. Как?

Андрей. Мне пришлось – по некоторым причинам...

Психотерапевт. Пришлось что? Перестаньте титьки мять – говорите уже!

Андрей. Пришлось сменить имя, фамилию, переехать в этот город – из родного, который за тысячу километров отсюда. Разорвать все связи, сжечь все мосты, уничтожить...

Психотерапевт (*перебивает*). Я понял, достаточно метафор. Вы мне скажите – зачем? Что вас побудило пойти на такой радикальный шаг? Или кто?

Длинная пауза. Вентилятор гоняет по кабинету сизый дым.

Андрей. Нина.

Психотерапевт. Нина?

Андрей. Ага. Нина Калякина.

Затемнение.

Сцена пятая

Ночь. Купе плацкартного вагона. На правой нижней полке спит, издавая исполинский храп, огромный мужчина с высоко выдающейся круглой горой живота. На левой – ворочается женщина лет пятидесяти. На левой верхней – мёртвым сном спит неопределённого возраста мужчина – он лежит прямо в одежде на голой полке, без матраса, подушки и белья, его ступни в чёрных носках выдаются далеко в коридор. На правой верхней – Нина Калякина. Она лежит в одежде под простыней, смотрит вниз, шмыгает носом.

Женщина с левой нижней полки не выдерживает, садится, несколько секунд сидит, потом находит ногами тапки, надевает их и уходит, прихватив со столика кружку. Нина в это время спускается со своей полки

и садится на нижнюю – рядом с залиvisto храпящей тушей.

Нина больше похожа на девочку, чем на взрослую женщину, – миниатюрная, с мягким детским личиком и длинными светлыми волосами, двумя прямыми потоками ниспадающими Нине на едва заметную грудь. Нина одета в свитер грубой вязки, явно на три размера больше нужного, обтягивающие голубые джинсы, розовые носки с красными сердечками. Она то и дело вытирает нос рукавом свитера. Заметно сутулится.

Возвращается женщина с нижней левой полки, садится, ставит кружку с кипятком и чайным пакетиком в нём на столик.

Нина. Тоже не спите?

Женщина (помедлив). Поспишь тут! С такой музыкой.

Нина. А мне обычно ничего не мешает, а вот сегодня не получается спать. Так-то я люблю поспать. И поесть люблю. А сегодня ни спать, ни есть – ничего не могу.

Короткая пауза.

Женщина (не выдерживает). А что так?

Нина. Понимаете, совершенно внезапно нашёлся мой Вадик, про которого я десять лет ничего не знала. И так, знаете ли, странно нашёлся!

Женщина. Как странно?

Нина. Открываю я вчера утром фейсбук – ну, ленту полистать – и чуть ли не сразу вижу фотографию Вадика. Я – честно – улетела просто. Не знаю, то ли обморок, то ли ещё что. Может, воздух закончился – ну, кислородное голодание, знаете же?

Женщина кивает.

Нина. Ну вот. Как только в себя пришла, начала думать, что, может, показалось или перепутала, обозначилась. Но нет! Представляете, читаю под фото – «Я и мой старый друг Вадик». Я – это Гоша, мы с ним в друзьях на Фейсбуке, он даже какой-то мой дальний родственник, троюродный, что ли, не знаю. Неважно. Главное – Вадик! Точно – Вадик! Постаревший, бороду отрастил, но Вадик!

Женщина. Борода сейчас модно.

Нина. Да хер с ней, с бородой. Не в бороде же дело.

Нина вдруг начинает рыдать, уткнувшись лицом в рукава свитера. В это время к женщине с левой нижней полки подсаживается другая, удивительно на неё похожая – такая же белая майка с короткими рукавами, такие же спортивные голубые штаны, такая же причёска, даже комплекция та же самая. В руках женщина держит такую же кружку с кипятком и пакетиком чая в нём. Первая женщина кивает подсевшей, та отвечает таким же кивком.

Нина, нарыдавшись, вытирает лицо рукавами, после смотрит на женщин.

Нина. А вы кто? Её сестра, что ли?

Первая женщина. Нет, она моя сотрудница.

Вторая женщина. Да, мы вместе работаем.

Нина. Вы так похожи.

Женщины переглядываются.

Первая женщина. Да вроде нет.

Вторая женщина. Я гораздо моложе.

Первая женщина. Как раз на десять лет.

Нина (всхлипывая). Я думала, он умер. Он же просто пропал, понимаете? Вышел из дома вечером и назад не

вернулся уже. Его даже искали. Как настоящего потеряшку. Объявления по всему городу висели. А он, оказывается, в другой город сбежал. Сволочь.

Вторая женщина. Но ведь живой же!

Нина. Живой (всхлипывает), красивый такой. Почти совсем не изменился.

Первая женщина. Это вы к нему сейчас едете?

Нина. Конечно! Да я через пять минут полезла свободные билеты искать, даже из постели не вылезая. Да, пусть верхняя полка, пусть у туалета. Какая разница, господи...

Нина шмыгает носом. Мужчина с левой верхней полки переворачивается и свешивает голову вниз.

Мужчина. У меня тоже такое было. Брат в пятнадцать лет из дома ушёл, так его только через двадцать лет в дурке на Дальнем Востоке нашли: мать по телевизору увидела и узнала. Там репортаж как раз про эту дурку был, так брата мельком показали – всего на секунду. А мать узнала. Материнское сердце всё-таки. Не хер собачий.

Первая женщина. И что ваш брат? Вернулся к родителям?

Мужчина. Вернулся, да. Мы с бате́й съездили и забрали. Ну и сдали снова в дурку, только уже в нашу.

Вторая женщина. Зачем же снова в дурку? Жестоко как-то, как по мне.

Мужчина. Ну а куда его, если он совсем дурак? Врачи говорят, ему где-то сильно голову отбили, вот он и стал такой – слова забыл, никого не узнаёт и только и делает, что под себя ходит. Мать старая, батя тоже, у них сил таких нет уже, чтобы за ним круглые сутки смотреть.

Первая женщина. А вы что же?

Мужчина. А что я? У меня своя семья, дети – мальчик и девочка. Работа. И живу я в другом городе. Вот еду как раз от родителей.

Нина. Да замолчите вы со своим братом! Никому он не интересен, дурак ваш.

Вторая женщина. Ну почему же... Тоже ведь человек.

Нина. Да потому! Он – не Вадик.

Первая женщина. А что, ваш этот Вадик – такой особенный, что ли?

Нина. А вот именно такой – самый особенный. Вы его просто не знаете.

Мужчина (*отворачиваясь к стенке*). Обидно вообще-то.

Вторая женщина. Ну вот, зря человека обидели.

Нина. Не маленький, переживёт.

Короткая (и неловкая) пауза.

Нина. Вадик, когда в университете учился, в морге подрабатывал, например.

Туша, рядом с которой сидит Нина, перестаёт храпеть.

Туша (*оставаясь в том же положении*). Ну, я в морге работаю, например. Всю жизнь почти. Что тут такого?

Нина. Так это вы! Вы же не Вадик, на библиотекаря не учились, у вас, наверное, и образования высшего нет.

Туша. Как это нет? Есть. Шесть лет в мединституте, потом ординатура...

Нина (*перебивает*). Да спите вы дальше, не о вас речь!

Первая женщина (*Туше*). А вы правда, что ли, в морге работаете?

Туша. Стал бы я вас такими вещами разыгрывать!

Вторая женщина. Сейчас всякие люди бывают.

Туша. Я не такой. Я на самом деле патологоанатом.

Первая женщина. Это вы, что ли, трупы режете?

Туша. Вскрываю. Но чаще, конечно, биопсийный материал исследую.

Нина. Это вообще неинтересно и даже мерзко.

Туша. Вот как раз на конференцию детских патологоанатомов еду.

Нина. Господи! Гадость же!

Мужчина на верхней полке снова поворачивается и свешивает голову вниз.

Мужчина. А мне вот интересно. Это вы, получается, если кого прибьют, находите у человека внутри, как он умер?

Туша. Нет. Этим судмедэксперт занимается.

Короткая пауза. Нину трясёт.

Первая женщина. Сейчас столько людей каждый день погибает, ох!

Вторая женщина. И не говори. Особенно молодёжь – зацеперы эти, или как их.

Первая женщина. А ещё руферы. Залезут на крышу, потом дворнику подметай их мозги с асфальта.

Мужчина. У меня у знакомого сын полез на вышку электрическую селфи делать.

Вторая женщина. Ох ты господи!.. Током убило?

Мужчина. Не. Просто свалился.

Первая женщина. Насмерть?

Мужчина. Ясный пень. Тринадцать лет пацанёнку.

Нина резко встаёт.

Нина (страшным мужским голосом, очень громко).
ЗАТКНИТЕСЬ УЖЕ, СУКИ!!!

Мужчина на верхней полке отворачивается к стенке. Вторая женщина хватается за свою кружку и убегает. Первая женщина бормочет что-то очень похожее на «большая какая-то на голову», заползает под одеяло, отворачивается к стенке.

Нина стоит, как и стояла, громко шмыгая носом. Через несколько секунд раздаётся залихватистый храп с правой нижней полки.

Затемнение.

Сцена шестая

Утро. Спальня Андрея и Варвары. Андрей лежит в постели, Варвары рядом с ним нет. Андрей изучает потолок.

Входит Варвара. На ней – пушистый банный халат голубого цвета. На голове – тюрбан из пушистого голубого полотенца.

Варвара. Чего валяемся?

Андрей. Не знаю. (Помедлив.) Заболел.

Варвара. Опять не хочешь никого видеть?

Андрей. Горло болит. И голова.

Варвара подходит к Андрею, трогает его лоб тыльной стороной ладони, после прикасается ко лбу губами.

Варвара. Горячий. Или мне кажется. Сейчас схожу за градусником – и узнаем точно.

Варвара поспешно выходит. Андрей тихонько напевает: «Градусник, гРАдусник, градуснИк!» на мотив старой советской песни «Бабушка рядышком с дедушкой», изучая потолок.

Возвращается Варвара.

Варвара. Так. Зажми его под мышкой и жди, когда запикает. Я сейчас приду.

Варвара отдаёт Андрею электронный градусник. Андрей зажимает его под мышкой. Варвара выходит.

Андрей (на мотив песни «Бухгалтер, милый мой бухгалтер»). Подмышка, потная подмышка! Градусник в ней торчит, как... (Помедлив.) Не знаю, короче, как что торчит, но торчит.

Андрей откидывает одеяло. Под одеялом он в полосатой пижаме, в носках. Некоторое время лежит раскрытый.

Андрей. Нет. Так слишком холодно.

Андрей стягивает пижамные штаны, бросает на пол, за штанами следуют носки. Накрывается одеялом.

Андрей. Вроде получше.

Андрей лежит так некоторое время.

Андрей. Или нет.

Варвара (из другой комнаты). С кем ты там разговариваешь?

Андрей. С мертвецами.

Варвара. С кем?

Андрей (*громче*). С мертвецами!

Варвара. В смысле?

Андрей. В прямом. Ко мне пришли духи моих предков, говорят – пошли, мол, с нами, юноша.

Варвара. Андрей, ты меня пугаешь!

Андрей. Я сам себя пугаю.

Короткая пауза.

Варвара. У тебя точно температура. Градусник не пикал ещё?

Андрей. Ещё не пикал.

Варвара. Скажешь, когда запикает.

Андрей. Скажу, когда запикает. И когда не запикает, тоже скажу.

Варвара. На работу ты сегодня не идёшь.

Андрей. Ну ма-а-ам! У нас сегодня контрольная!

Варвара. Это хорошо, что шутишь. Значит, всё не так плохо.

Пикает градусник.

Андрей. Запикал!

Варвара возвращается в спальню. На Варваре – строгий костюм (пиджак и юбка), колготки, тёплые носки. Волосы у Варвары ещё влажные.

Варвара. Дай сюда.

Андрей отдаёт градусник.

Варвара. Ну что ж. Тридцать девять и три. Не смертельно, конечно, но хорошего мало.

Андрей. А вдруг смертельно?

Варвара. Скорую вызвать?

Андрей. Не надо.

Варвара. То-то же. Лежи и не рыпайся. Сейчас горячего питья тебе сделаю.

Андрей. Мне, пожалуйста, варенья малинового.

Варвара. Ещё чего. Аспирин шипучий будешь пить.

Андрей. Не хочу аспирин. Хочу варенья.

Варвара. Ну-ну, покапризничай. Ребёночек.

Варвара выходит. Шумит наливаемой в чайник водой, зажигаемым газом, через несколько секунд – феном.

Андрей. Вот знаешь, Варь... Мне сорок лет. Ещё десять... ну хорошо, двадцать лет активной жизни, а потом что? Потом, Варя, пенсия. И вот что я буду делать на пенсии? Ходить в парк и голубей батоном кормить? Или в домино во дворе с другими стариками резаться? Я не хочу быть старым, Варя. Я и молодым толком не успел побыть. Только-только приготовился, а тут – бац! – и тридцатник. И если вот эти десять лет, с двадцати и до тридцати, катились со средней такой скоростью, с терпимой вполне, то те, которые с тридцати и до сорока – я же даже толком не поздоровался с ними. Шмыг! – и нету. А начнёшь вспоминать, что было за эти десять лет, так вдруг оказывается, Варь, что ничего-то и не было. Я-то думал – другой город, другое имя, другая, можно сказать, личность. Думал, что вот сейчас я начну жить по-настоящему – и никакая тварь из прежней жизни мне не будет мешать. А что в итоге? Библиотека, дом, библиотека, дом. Библиотека, дом, ты. А знаешь, что пугает больше всего, Варь? Что следующие десять лет просвистят мимо со скоростью света, а я даже рта раскрыть не успею. Почему ж так в жизни устроено, что чем ближе к могиле, тем скорость выше? Я думал,

что вот стану старше – разберусь наконец с тем, кто я такой на самом деле, как раз будет время, но времени почему-то нет, и сил нет, и меня, как выясняется, тоже нет. Чувствую себя пустой коробкой. Коробка же сама по себе нужна для того, чтобы в неё что-то складывать, ведь так? Чтобы в ней что-то хранилось, что-то ценное или не очень. А во мне ничего нет. Не положили? Или так и надо, чтобы ничего не было? (Помедлив.) И мало мне того, что будущее у меня такой себе расцветки, так ещё и призраки прошлого, так сказать. Гоша этот. Конечно, я его узнал. Не сразу, но узнал. Панцирь он себе неслабый такой из жира нарастил, щёки как яблоки, но глаза те же самые. Те же самые колючие глаза. Как будто бы он постоянно над тобой посмеивается про себя. Превосходство такое, знаешь. Я так старательно всё это забывал, а он...

Шум за пределами спальни стихает. Через несколько секунд в спальню входит Варвара, в руках у неё – кружка с чем-то горячим. Волосы у Варвары уже сухие. Варвара подходит к Андрею, тот садится, опираясь спиной на подушку, принимает кружку из рук Варвары, осторожно отпивает.

Варвара. Чтобы выпил всю. Твоим я позвоню, предупреджу. Врача тоже вызову.

Андрей. Не надо врача.

Варвара. А больничный как же?

Андрей. Один день можно. Тем более у меня отгул в запасе.

Варвара. А если не один день?

Андрей. Ну, тогда вызовем врача. Или сам в поликлинику схожу.

Варвара. Я тебе схожу!

Короткая пауза. Андрей дует на горячее, отпивает по глоточку.

Варвара. С работы сегодня приду пораньше. А ты постарайся заснуть сейчас.

Андрей. А если я не хочу?

Варвара. Без «если». Надо. (Помедлив.) Шапку нормальную не надел, вот тебе и результат.

Андрей. Мне не нравится эта шапка.

Варвара. Ты же говорил, что нравится.

Андрей. Да, нравится. Но не на мне.

Варвара. Ты что, отказываешься от моего подарка? Который я своими руками для тебя сделала?

Андрей. Я не отказываюсь.

Варвара. А что ты делаешь?

Андрей. Болею.

Короткая пауза. Варвара смотрит на Андрея. Тот пьёт.

Варвара. Ладно. Спишем на болезнь.

Андрей кивает.

Варвара. Так. Я побежала. Есть захочешь...

Андрей (*перебивает*). Не захочу.

Варвара. Если захочешь, то в мультиварке пюре с котлетами – разогреешь.

Андрей. О'кей.

Варвара. Всё. (*Целует Андрея в лоб.*) Поправляйся.

Варвара выходит из спальни, шуршит верхней одеждой, вжикает молниями на сапогах.

Варвара. Пока!

Андрей. Пока.

Хлопает входная дверь.

Андрей. Поцеловала в лоб, как будто я в гробу уже.

Короткая пауза. Андрей допивает, ставит кружку на пол.

Андрей. И шапка эта. Как ты не понимаешь, Варь, что шапка эта теперь – всё? В прошлом шапка.

Андрей отворачивается к стене, напевая что-то вроде «Созрели сопли в носу у дяди Вади», и засыпает.

Затемнение.

Сцена седьмая

Библиотека. Лариса и Оксана снова сидят за столом. Лариса слева, Оксана справа. Перед ними – пакеты и контейнеры со сладостями, чашки с кофе, слева – советский электрический чайник. Лариса и Оксана, жуя, залипают в смартфонах. В библиотеке никого, кроме них, нет, так тихо, что слышен хруст перемалываемых зубами сладостей. Время от времени то Лариса, то Оксана усмеются или даже издадут короткий смешок.

Через минуту Лариса кладёт смартфон на стол.

Лариса. Пустовато как-то.

Оксана (кивает). Угу. (Помедлив.) Бедный Евгенийч.

Лариса. Поболеть, знаешь ли, иногда полезно.

Оксана (кивает). Полежит, отдохнёт.

Лариса (кивает). Выспится.

Пауза.

Лариса. С другой стороны, сейчас такие вирусы, которые никакие антибиотики не берут.

Оксана. Думаешь, умрёт?

Лариса. Так-то нет. Но мало ли.

Оксана (помедлив). Не хотелось бы.

Лариса. Да. Похороны эти все. Суета, возня.

Оксана. С другой стороны, поминки.

Лариса. Да.

Пауза.

Лариса. А помнишь, в детстве – похороны всегда таким светлым праздником были!

Оксана. Да, не то что сейчас. Сейчас возня, суета. Никакой атмосферы.

Лариса. Я вообще кладбища тогда любила. Конфет столько можно было набрать.

Оксана. Сейчас разметают, да.

Лариса. Да и вкусных таких нет больше.

Оксана. Помнишь, какие «Рачки» были? Теперь разве «Рачки»?

Лариса. Нет, теперь не то.

Пауза.

Лариса. Когда бабушка умерла, такое небо синее было. Высокое-высокое! И ни облачка. И я помню – сижу с мамой дома, потому что меня не взяли, смотрю в окно, а мимо люди идут. Много людей. А мне кажется, что это

не люди мимо проходят, а дом по реке из людей плывёт. Как корабль. Мама сидит, зашивает что-то, улыбается, напевает. И я улыбаюсь.

Оксана. Красиво. (Помедлив.) А я помню – сижу на печке с другими детьми, листаю журналы какие-то – то ли «Крестьянка», то ли «Здоровье», – а внизу гроб на табуретках стоит – с покойником – и люди плачут. А нам, детям, так хорошо, так весело! А у покойника, знаешь, лицо накрыто, а из подушки под его головой торчит солома. Жёлтая такая, почти золотая.

Лариса. Да, красота.

Длинная пауза. Лариса и Оксана задумчиво жуют, глядя в никуда. Оксана, прожевав, начинает тихонько напевать что-то вроде «Накрой подушкой лицо соседа», Лариса подхватывает.

В библиотеку входят двое – Гоша и Нина. Гоша одет по-прежнему, Нина – в лёгкой осенней курточке рыжего цвета, без шапки и в кедах. Она явно замёрзла.

Лариса. Поликлиника в следующем здании.

Гоша (улыбается). А мы знаем! Мы там были.

Оксана. Здесь библиотека.

Гоша. Как раз библиотека нам и нужна.

Нина. Где Вадик?

Лариса. Какой Вадик?

Оксана. У нас таких нет.

Нина (громче, с расстановкой). Где – Вадик?

Гоша (Нине). Нинуль, подожди, милая. Дай я сначала поговорю.

Нина идёт к одному из кресел, садится. Гоша подходит ближе к столу.

Гоша. Вы нас неправильно поняли.

Лариса. Мы вас вообще никак не поняли.

Оксана. Вадик какой-то. Нет тут таких.

Гоша (*показывает пальцем на одну из крупных мармеладок в одном из контейнеров*). Можно?

Лариса. Только одну.

Гоша. А мне больше и не надо.

Гоша берёт мармеладку, запихивает в рот, жуёт.

Гоша. М-м! Как сладко! Чистый сахар же!

Оксана. Ну так да. А зачем ещё сладкое нужно?

Гоша. Прямо в ушах чешется. Кайф.

Лариса. Самый качественный мармелад, между прочим.

Гоша. Оно и чувствуется. (*Через очень короткую паузу.*) Девчонки! А в этом прекрасном городе с таким вкусным мармеладом есть ли ещё библиотеки?

Оксана. Одна есть. Детская. Но она на ремонте.

Лариса. Уже четвертый год ремонтируют.

Гоша. Прекрасно. Не в том смысле, что никак не доремонтируют, а в том, что... А, впрочем, вам это знать незачем.

Нина. Пусть уже говорят быстрее, где Вадик! Гоша, за чем ты тянешь?

Гоша (*Нине*). Минутку, Нинуль. Минутку. (*Ларисе и Оксане.*) Наша прекрасная Нина уверена – почему-то, я лично не знаю почему, – что её волшебный и замечательный Вадик... то есть, конечно, Андрюша...

Нина. Да Вадик же!

Гоша (*Нине*). Тсс. (*Ларисе и Оксане.*) В общем, нигде, кроме как в библиотеке, наш Андрюша больше работать не может.

Нина. Потому что он учился на библиотечном!

Гоша. И мы решили начать с библиотек.

Пауза. Лариса и Оксана смотрят на Гошу и Нину. Те смотрят в ответ.

Лариса (не выдерживает). Ну, допустим, есть у нас Андрей.

Оксана. Евгеньевич.

Гоша. Старый? Молодой?

Лариса. Допустим, ещё не старый.

Нина (вскакивая, Гоше). Я же тебе говорила! (Ларисе и Оксане.) Адрес его домашний, быстро!

Гоша. Нинуль, ну ты что? Так нельзя. (Ларисе и Оксане.) С бородой?

Лариса и Оксана, глядя на Нину, синхронно кивают.

Гоша. И он сегодня, конечно же, внезапно не работает?

Лариса и Оксана, глядя на Гошу, синхронно кивают.

Гоша. Неужели заболел?

Лариса и Оксана, глядя на Нину, синхронно кивают.

Нина подскакивает к столу, опирается на него руками, по-звериному пригибает голову.

Нина (страшным мужским голосом, очень громко). АДРЕС!!!

Лариса, чуть наклонившись в сторону, хватая рукой чайник и с размаху бьёт им Нине по голове. Нина падает, загребая руками пакеты и контейнеры со сладостями и роняя их на пол. Лежит не двигаясь.

Гоша (улыбаясь). Ну это уже слишком жёстко, девчонки.

Оксана молча вынимает из недр стола большой кухонный нож, показывает его Гоше.

Гоша. Дерзко. Мне нравится. Только вот отдача может замучить.

Лариса. Пугать бессмысленно, пуганые уже.

Гоша. Ну так вылезайте из-за своего стола, двое на одного – сделаю вам скидку на слабый пол.

Оксана. Сейчас я из тебя слабый пол сделаю. И заодно танцевать лучше будешь.

Лариса и Оксана выкатываются на колясках из-за стола.

Гоша (улыбаясь). О, так это же легкотня!

Гоша быстро подходит к Ларисе, уворачивается от удара чайником, сильно пихает коляску Ларисы в бок. Лариса вместе с коляской падает на пол. Гоша таким же ударом опрокидывает коляску Оксаны, предварительно ногой выбив у неё из руки нож.

Гоша обходит стол, вынимает из него ящички, с грохотом ставит их на стол, быстро копясь в каждом, разбрасывая бумажки и различные канцелярские принадлежности в совокупности с разномастными столовыми приборами. Женщины молча ворочаются на полу, пытаются поставить свои коляски на колёса.

Гоша вынимает из одного из ящичков старую общую тетрадь, быстро её пролистывает, после вырывает из неё лист, запихивает его в карман. Бросает тетрадь на стол.

Гоша. Замечательно!

Гоша подходит к Нине, легко поднимает её с пола, закидывает на плечо и выходит. Женщины до сих пор возятся с колясками.

Затемнение.

Сцена восьмая

Больничная палата. Три койки, на одной из них лежит под капельницей Андрей, на второй – мрачный усатый мужчина лет пятидесяти, на третьей – точно такой же мрачный усатый мужчина, разве что ему уже под шестьдесят, виски у него седые. Он держит в руках толстенный журнал – «Сканворды», в уголке рта – шариковую ручку.

У койки Андрея стоят Варвара и неопределённого пола человек в белом халате, отдалённо напоминающий врача, но больше похожий на запойного алкоголика, который вот-вот схватит «белочку». Время от времени он пучит глаза.

Варвара. А у нас на работе как раз несчастный случай произошёл: мужчина из закупок на работу пистолет травматический принёс – хотел друзьям показать – и случайно себе в глаз выстрелил с близкого расстояния.

Врач (пучеглазая). Выжил?

Варвара. Нет. На месте умер.

Врач. Ну плохо, плохо!

Варвара. Это утром было, а я хотела к обеду домой пойти, чтобы с Андреем побыть, а тут этот случай, а у меня прямо сразу сердце не на месте, я – домой, плохое

предчувствие – прямо картинка у меня, как лежит муж, синий весь, и не дышит, я – домой, и понимаю, что не зря, потому что прибежала, а он без сознания, весь красный, мокрый, бормочет: «Нина, Нина!»...

Младший усатый (*перебивает*). Ну правильно, жену звал.

Варвара. Так я ж не Нина! Я – Варвара!

Врач. Да ну, вам показалось. Это он «глина, глина» говорил.

Старший усатый. Могилу предчувствовал.

Варвара. Да какая глина! Нина!

Врач. Ну Нина. Хер с ней.

Младший усатый. Мало ли, одноклассница привиделась.

Варвара (*Врачу*). Я за градусником бегу, но и так понимаю, что там куда больше, чем тридцать девять и три, я же его потрогала, а он как печка, я в детстве «буржуйку» на даче потрогала, случайно, так до сих пор шрам от ожога, вот, смотрите (показывает шрам на запястье левой руки), болит иногда, так вот, Андрей такой же был, я – градусник под мышку ему и жду, а градусник – ну такой, электронный – всё не пикает и не пикает, потом запыкал, я смотрю – а там сорок один и шесть, в общем, я в скорую звоню, хорошо хоть, что быстро приехали, а он всё – «Нина, Нина!» – и ничего больше не говорит, мне его даже ударить захотелось, но жалко же, поэтому я...

Тут голова Врача свешивается ему на грудь, колени его подгибаются, он падает рядом с Варварой на пол лицом вниз. Варвара не успевает никак среагировать. Через несколько минут с пола раздаётся хrap.

Варвара (*едва слышно*). Что это?..

Старший усатый. Уработался человек, не видишь, что ли?

Младший усатый. Третьи сутки на посту.

Варвара. И что делать?

Старший усатый. Ничего. Сейчас я анекдоты дочитаю и за сестрой схожу.

Пауза. Старший усатый неторопливо перелистывает страничку, продолжает читать. Врач храпит.

Андрей (чуть приподнимаясь на койке). Отойди, пожалуйста, ты мне свет загораживаешь.

Варвара. Что?

Варвара идёт к Андрею, присаживается на краешек его койки.

Варвара. Андрюша, ты кому это?

Младший усатый. Ей, конечно.

Варвара. Кому – ей?

Старший усатый. Нине.

Короткая пауза. Варвара смотрит на Андрея, тот смотрит на Варвару, улыбается.

Андрей. Калякина, с каких это пор у тебя четыре руки?

Варвара. Кто? Калякина? Какая Калякина, Андрей?

Андрей. Нина! Нина Калякина.

Старший усатый откладывает журнал, выплёвывает на одеяло ручку, поднимается с койки и идёт к выходу.

Старший усатый. Ну, я за сестрой.

Младший усатый. Давай, Володя.

Старший усатый выходит.

Андрей (с улыбкой). А голубой цвет кожи тебе даже идёт.

Младший усатый. Совсем плох Володя.

Варвара. Какой Володя?

Младший усатый. Так твой же. Этот.

Младший усатый тянется подбородком к Андрею. Варвара смотрит на Младшего усатого, тот для верности добавляет к подбородку указательный палец правой руки.

Варвара. Мой не Володя. Мой – Андрей.

Младший усатый. Так я и говорю – Володя.

Варвара (отворачиваясь). Дурдом.

Младший усатый. Не, это просто больница.

Андрей. Тебе даже эти черепа идут, Нина. Красиво, Нина, очень красиво. Только я тебя всё равно не люблю – хоть убей.

Варвара (плачет). Господи!..

Андрей (тихонечко поёт). Джей Мата Кали... Джей Мата Дурге...

Пауза. Варвара плачет, закрыв лицо ладонями. Врач на полу храпит. Андрей лежит, улыбаясь.

Младший усатый. Был у нас в подъезде один Володя. Так он всю семью свою задушил, а сам повесился.

Дверь в палату открывается, входит Сестра – женщина пенсионного возраста, за ней – Старший усатый. Вместо правой руки у Сестры – пластиковый протез телесного цвета с крюком на конце.

Сестра подходит к спящему Врачу, наклоняется, несколько секунд слушает его храп, после выпрямляется.

Сестра (Младшему усатому). Володя!

Младший усатый (вставая с койки, Варваре). Он платком таким душил специальным, с утяжелителем на конце. И на этом же платке и повесился.

Старший усатый. Этот платок румал называется. И это даже больше шарф, чем платок. Шёлковый, кстати.

Сестра. Володя! Ну живее!

Младший усатый подходит к лежащему врачу, берёт его за левую ногу, Старший усатый – за правую. Сестра цепляется крюком протеза за воротник халата Врача. Втроём усатые больные и Сестра волокут Врача к выходу из палаты.

Старший усатый (Варваре). Это в Индии были такие душители – тхаги. Я в журнале читал. Богине Кали поклонялись.

Андрей (с улыбкой). Да, Калякиной! Мы все поклонялись тебе, Калякина. Все в классе.

Младший усатый (Старшему). А я тебе говорил – одноклассница! А ты мне всё – Володя, Володя.

Троица с храпящим врачом скрывается за дверь. Варвара, наплакавшись, вынимает из сумочки платок и вытирает лицо. Сморкается.

Андрей. А я больше всех остальных хотел, чтобы ты моя была. Ну и дохотелся. На свою голову.

Затемнение.

Сцена девятая

Гоша и Нина сидят на скамеечке слева возле двери с табличкой «Травматолог». Справа на такой же скамеечке – женщина пенсионного возраста. Гоша сидит прямо и улыбается, Нина упирается локтями в колени, закрыв лицо ладонями, чуть покачиваясь, волосы у Нины в крови.

Над дверью в кабинет висит жёлтое круглое радио и очень громко орёт.

Радио. ...и вот у них до сих пор существует такой обычай: покойников своих они хоронят не на кладбищах, как делают все обычные люди во всём мире и в нашей стране в частности, а, как ни странно, прямо у себя дома. То есть у каждого проживающего в доме есть своя личная комната – и, когда кто-нибудь из жильцов умирает, его даже не кладут в гроб – нет. Его бальзамируют прямо на общем обеденном столе, после наряжают в лучшую одежду и относят в его личную комнату, там кладут на застеленную кровать. Комнату с покойником внутри запечатывают – раньше дверь закладывали кирпичной кладкой, теперь же частенько просто скрывают её за листами гипсокартона. Окна закрывают ставнями и плотно забивают толстыми досками. И совершенно спокойно продолжают жить в этом доме дальше – пока, естественно, не умрёт самый последний жилец. Он, понятное дело, сам себя похоронить не может – и этим уже занимаются соседи. Они его бальзамируют, они его запечатывают в его комнате – и после вообще полностью, скажем так, консервируют дом. И дом становится своеобразным склепом. И таких домов в деревне становится всё больше – деревня постепенно превращается в кладбище, в деревню мёртвых. Если об этом обычае ничего не знать, то со стороны – деревня себе и деревня, может чуть под-

заброшенная. Выйдет какая-нибудь бабулечка с ведром к колонке на улице, наберёт воды, уйдёт. А ты стоишь, смотришь – наблюдаешь непривычное количество забитых досками окон в домах и не знаешь, что тебя со всех сторон окружают мертвецы. Они все прямо здесь, лежат на своих постелях с руками крест-накрест на груди – и молчат. И ты молчишь.

– Кстати, а давайте поговорим с вами о таком феномене, как общение с умершими? Я думаю, нашим слушателям будет интересно узнать... Вы же работаете в этом направлении по методу?..

– Фридриха Юргенсона, да. Последние десять лет своей жизни я посвятила как раз радиоконтакту с мёртвыми.

– А вам разве не страшно?

– Когда ты увлечён, о страхе вряд ли вообще приходится вспоминать – и потом...

– Ой, простите, я вас перебыю! Я тут подумала – а вдруг прямо сейчас в нашу передачу может вклиниться кто-то... ну вы понимаете!.. И, в общем... Мне что-то так не по себе стало – извините!.. (Смеётся.) Просто очень странно, что мы говорим об этом здесь, у нас, в нашем тихом маленьком городке – но потом я вспомнила, что у нас ведь тоже есть кладбище, там у меня дедушка, и – мало ли! – вдруг он захочет...

– Я вас вполне понимаю, но такое исключено. То есть мы-то с вами никого, конечно, не услышим, тут зависит от...

Гоша встаёт, подходит к двери в кабинет, подпрыгивает и кулаком бьёт по радио. Радио с хрустом затыкается. Гоша возвращается на своё место.

Пенсионерка. Ну зачем вы? Интересно же было!

Гоша (улыбаясь). Да, конечно.

Короткая пауза.

Пенсионерка. Ну и что теперь делать?

Гоша. Ничего. Умеете делать ничего?

Пенсионерка. Нет, не умею.

Гоша. Так вот вам возможность научиться.

Пенсионерка (вздыхает). Это ж сейчас всякие мысли полезут! Господи!

Короткая пауза.

Нина (выпрямившись). Сам бы зашил. Торчим здесь уже два часа. Сейчас ещё и в процедурный отправят, там опять сидеть под дверью.

Гоша. Чем же я тебя зашью? Иголкой с нитками? Ты плюшевый заяц, что ли?

Нина. Там засохло уже всё. И вообще – царапина.

Гоша. Ну, царапина не царапина, а лучше в порядок привести.

Нина. А вдруг, пока мы здесь сидим, Вадик уедет куда-нибудь?

Гоша. Он же болеет. Старухи же сказали. Куда он больной поедет?

Нина. Мало ли.

Короткая пауза.

Пенсионерка. А у меня муж умер. А дочка с горя ногу сломала.

Гоша. Это как?

Пенсионерка. Плакала два дня после похорон. А потом с постели встала неудачно. Открытый перелом. Я думаю, это кальций.

Гоша. В смысле – кальций?

Пенсионерка. Ну выплакала весь кальций из организма. Вот нога и сломалась.

Пауза.

Нина. Плюшевый кальций по полю бежал. Плюшевый кальций ножку поломал.

Затемнение.

Сцена десятая

Температурный бред Андрея.

Никто так и не сказал ему, почему она умерла. Ещё позавчера он неловко целовал её в сладкие губы под оглушительное «Горько!» новой родни, мечтая о том, чтобы и его родители кричали то же самое, но те давно лежали в земле и порадоваться за сына, увы, не могли. А теперь и она укроется с головой сырым земляным одеялом, а он останется один, уже совсем сирота, один на целом свете.

На похороны он надел тот же самый костюм, в котором отплясывал на свадьбе, став мужем, – просто потому, что другого настолько же приличного у него не было, а на неё зачем-то натянули белые свадебные кружева – и даже фату, закрывавшую лицо до посиневшего подбородка. Сирота всю дорогу на кладбище смотрел на этот подбородок и хотел было наклониться и взять жену за руку, но постеснялся – автобус был под завязку набит её роднёй, и все они, сгрудившись вокруг короткого гроба непривычных плавных форм, глазели, тем не менее, на свежего родственника.

А он безуспешно пытался отыскать глазами крышку, под которой совсем скоро навсегда спрячут его любимую, но после мысленно махнул рукой – мол, мелочи, не могли же забыть дома, хотя, конечно, всякое бывает. Странный гроб стоял на полу автобуса и чуть покачивался из стороны в сторону, как чрезмерная люлька, порой задевая его ногу.

Ехали долго и куда-то всё не туда, чуть ли не через лес, может, другой дорогой, но, когда наконец остановились и он вышел, пошатываясь, то оказалось, что это даже не кладбище, а просто поляна рядом с просёлочной дорогой, и сирота подумал, пожав плечами, что это, наверное, сломался автобус или ещё чего, но родня вынесла наружу гроб с его женой и понесла к центру поляны. В центре была яма, слишком глубокая для могилы, а рядом с ямой – высокий красный конус мокрой земли.

Сирота решил, что крышку всё-таки забыли в автобусе, и ринулся было за крышкой, но водитель остановил его, похлопал по плечу и сказал, что ничего страшного, он сам принесёт, а ты, мол, к ней иди, прощайся. Сирота не выдержал и зарыдал в очередной раз, выпуская клубы пара изо рта и вытирая лицо трясущимися руками. Кто-то обнял его за плечи и повёл к яме, рядом с которой криво стоял непонятный гроб с подложенными под него лентами.

Когда гроб начали опускать в яму, сирота удивлённо посмотрел на тестя, мол, а где же крышка, но тот только улыбнулся смущённо, вздохнул и с распростёртыми объятьями шагнул к сироте, стоявшему на самом краешке, напуганному и несчастному. И, когда сирота, отчаянно разыскивая глазами в толпе родни хоть ко-

го-нибудь похожего на священника, неловко поднял руки, чтобы обнять тестя в ответ, тот быстрым движением сильно толкнул зятя в грудь.

Он очнулся через минуту, обнаружил, что лежит прямо на ней и, похоже, проломил ей, падая, локтем грудину. Фата сбилась набок, обнажив бессмысленное лицо с приоткрытым ртом. Сирота приподнялся, сел. Сверху на него что-то сыпалось раз в несколько секунд. Он посмотрел наверх и увидел родню своей жены, стоявшую кружком над ямой. Справа кто-то орудовал лопатой, сыпая в яму красноватую землю, но сироте не было видно, кто именно. Земля била его по плечам и макушке, он попытался встать, но сильная боль в колене, от которой он даже вскрикнул, опустила его обратно – прямо на тело любимой.

– Будьте счастливы, дети, – услышал сирота сверху голос тещи, весёлый и звонкий. – Совет да любовь! Совет да любовь...

Сцена одиннадцатая

Палата Андрея. Андрей по-прежнему в койке под капельницей – спит. Варвара сидит рядом на стуле. Усатые соседи Андрея по палате лежат каждый на своей койке.

Варвара (вздыхает). Почему они ничего не делают?

Старший усатый. А что они могут? Антибиотики вкололи, капалку поставили – что ещё? Оперировать его, что ли?

Младший усатый. Организм пусть сам справляется.

Варвара. А если не справится?

Младший усатый. Ну тогда похоронишь своего Володю.

Варвара. Ещё чего!

Младший усатый. Ну вот и не задавай глупых вопросов.

Старший усатый. Ты б родителям его позвонила. На всякий случай.

Варвара. Нет у него родителей. Давно уже умерли.

Младший усатый. Так ты им на тот свет позвони!

Варвара смотрит на Младшего усатого. Тот хохочет. Старший усатый усмехается в усы.

Варвара. Что за шутки такие дебилские?

Младший усатый. Ну так я и есть дебил. Официально.

Короткая пауза.

Старший усатый (Варваре). Водку будешь?

Младший усатый (оживляется). О-о! Володя!

Варвара смотрит на Старшего усатого и молчит. Тот садится в койке, открывает прикроватную тумбочку, вынимает бутылку, ставит на тумбочку.

Старший усатый (Младшему). Володя! Сделай нам стаканы.

Младший усатый (подпрыгивая с койки и энергично потирая руки). Володя! Володенька!

Младший усатый выходит из палаты. Варвара по-прежнему смотрит на Старшего усатого и молчит.

Старший усатый. За здоровье твоего. Чтобы поправлялся побыстрее.

Варвара. Думаете, поможет?

Старший усатый. Конечно. Всегда помогало – и теперь поможет.

Варвара (пожимает плечами). Ну, тогда ладно.

Старший усатый. Вот и хорошо. (Помедлив.) А потом езжай домой – на такси. И выпишься хорошенько.

Варвара. А как же?.. (Поворачивается к Андрею, гладит его по лбу.)

Старший усатый. А мы посмотрим.

Варвара. Пьяные?

Старший усатый. Так мы же не будем напиваться. Так, чисто по стопке – горло прополоскать. А то, знаешь ли, вирусы.

Варвара молча кивает. Открывается дверь, возвращается с тремя стаканами Младший усатый.

Младший усатый. Ну что, Володя? Движение – это жизнь?

Старший усатый кивает.

Младший усатый. Тогда не будем медлить.

Затемнение.

Сцена двенадцатая

Ночь.

Лестничная площадка стандартной девятиэтажной панельки. У стены стоит Гоша, держит в руках шапку-манула. Нина сидит на корточках у стены, голова Нины в повязке, напоминающей шлем танкиста.

На лестничной площадке темно, разве что на Гошу с Ниной падает неровный прямоугольник синего света из окна где-то наверху в конце лестничного пролёта, там, где заваренный мусоропровод и пустой балкон с верёвками для белья.

Слышно, как кто-то поднимается по лестнице.

Нина (встаёт). Больше никому.

Гоша. Не суетись.

На лестничную площадку выходит Варвара, идёт к двери общего коридорчика, вынимает из кармана пальто ключи, роняет их на пол, поднимает, пытается открыть дверь. Варвара катастрофически пьяна.

Гоша. Добрый вечер! Вам помочь?

Варвара. Нет.

Нина. Отбери у неё ключи! Он же там, внутри!

Гоша (Нине). Дорогая, давай будем всё-таки людьми. Ни отбирать ключи, ни ломать дверь, как ты предлагала, я не буду. Человек сейчас сам всё откроет.

Варвара (снова роняя ключи и поворачиваясь к Гоше с Ниной). А вы кто?

Гоша. А вы меня не помните? Я – Гоша. Друг вашего, я так понимаю, мужа.

Нина. Да какой он ей муж! Ты посмотри на неё!

Гоша. Подожди, Нинуль. Не суетись.

Варвара. Нинуль? (Помедлив.) Так вот ты какая!

Нина. Нормальная, получше тебя. А ты – слышишь? – ты должна уйти с дороги. Собирай давай свои манатки и вали к маме.

Варвара. Это, если что, моя квартира вообще-то.

Нина. Тогда отпусти Вадика и сиди себе в своей квартире хоть до усрачки.

Гоша. Нинуль, ну повежливее, солнце!

Нина (Гоше). Так. Сотку сверху – и ты отбираешь у неё ключи, открываешь дверь, заходишь, забираешь Вадика, а я эту дылду на себя беру.

Гоша. Две.

Нина. Хорошо, две сотки.

Варвара (смотрит на них с улыбкой и сама отдаёт ключи Гоше). Ну давай. А то я устала.

Короткая пауза. Гоша смотрит на Варвару, Нина – на Гошу.

Гоша. Его тут нет.

Нина. В смысле – нет?

Гоша (отдаёт ей ключи). Ну на, сама проверь.

Нина хватает ключи, возится с ними у замка, роняет, поднимает, ударившись головой о дверь, снова возится, наконец, справляется и открывает дверь. Исчезает в общем коридорчике, в котором автоматически включается освещение. Слышно, как Нина открывает дверь в квартиру, распахивает её, врывается внутрь. Из квартиры раздаётся «Антошка, Антошка, пойдём копать картошку!» и через минуту обрывается на полуслове.

Гоша. Что – совсем плох?

Варвара. Андрей-то?

Гоша. Да. Вадик.

Варвара. Ну, когда я уходила, у него было уже тридцать семь и шесть. Но домой ещё рано забирать.

Гоша. Выживет.

Варвара. Как знать, как знать.

Возвращается Нина. В правой руке она держит смартфон, который снова начинает орать: «Антошка, Антошка, пойдём копать картошку!»

Нина (Варваре). Твой? Или его?

Варвара. Мой. А я думаю, куда я его дела? В суматохе дома оставила, оказывается.

Нина отдаёт Варваре телефон. Та отвечает на звонок.

Варвара. Да. (Слушает.) Уже в больнице. Ага. (Слушает.) Ну, ничего хорошего, конечно, но вроде чуть получше. Завтра снова пойду.

Короткая пауза. Варвара слушает и смотрит на Гошу с Ниной.

Варвара. Серьёзно? Кошмар.

Короткая пауза. Варвара слушает и смотрит на Гошу с Ниной.

Варвара. Да вы за меня не бойтесь, Лариса Павловна, со мной всё хорошо будет. Вы-то сами хоть целы? (Слушает.) А Оксана Анатольевна? (Слушает.) Нет, не звоните никуда. Ничем они не помогут, ещё сами виноваты окажетесь. (Слушает.) Ладно. До завтра.

Варвара завершает звонок, кладёт телефон в карман.

Варвара (Нине). Ну что, нашла?

Нина. Нет. Но я уже понимаю, где он. Это ты виновата.

Варвара (кивает). Конечно.

Нина. Если с Вадиком будет что-то не так, то я тебя, сука, вот этими вот руками сама задушю.

Варвара. Задушишь, задушишь. Только потом. У меня сил нет уже никаких.

Нина. Учти, мы сейчас за ним поедем!

Варвара. Да без проблем! Езжай к нему, буди его – не важно, что он практически при смерти.

Гоша. Вы преувеличиваете.

Варвара. Пусть ему станет ещё хуже. (Гоше.) А тебя я узнала, кабан. Хочешь ещё раз в лоб?

Нина (Гоше). Она тебя что – избивала?

Гоша (улыбается). Немножко. Мне даже приятно было.

Нина (Варваре). Я тебя, сука, урою. Готовься, тварь.

Варвара (не обращая внимания на Нину, Гоше). Ещё хочешь?

Пауза. Гоша улыбается, Нина стоит напротив Варвары, набычившись, но Варвара её не замечает.

Гоша. Нет.

Длинная пауза.

Варвара. Короче так, ребят. Есть чай, есть сыр, есть хлеб. Попьем чаю, перекусим и ляжем спать – я вам на диване в зале постелю. А завтра продолжим разбираться. Я еле на ногах стою – день тяжёлый был. Ну и алкоголь ещё. Зря, конечно.

Пауза. Гоша смотрит на Нину, та – на Варвару. Варвара стоит, покачиваясь. Вынимает из кармана телефон, залипает.

Нина (поворачивается к Гоше). А как же Вадик?

Гоша. Утром к Вадиду поедем.

Варвара, по-прежнему держа в руке телефон, неловко оседает на пол. Гоша едва успевает её подхватить.

Гоша (Нине). Помогай давай!

Нина подходит. Гоша и Нина, с трудом удерживая слишком большую для них Варвару, буквально заволакивают её в квартиру. Через некоторое время возвращается Гоша, выглядывает на лестничную площадку, потом исчезает за дверью, прикрывая её, но не запирая.

Затемнение.

Сцена тринадцатая

Темно. Варвара лежит в одежде на постели в спальне Варвары и Андрея – спит. Тусклый свет заоконных фонарей позволяет различать разве что силуэты.

Проходит совсем немного времени – и над Варварой появляется маленькая тёмная фигура. Высоко поднимает руки, в которых зажато что-то продолговатое. Но опустить не успевает, поскольку в комнате вспыхивает свет.

Гоша (стоя в одних трусах возле выключателя и щурясь). Нина, не дури!

Нина, ослеплённая резким светом, прикрывает глаза руками, в правой руке – кухонный нож. На Нине те же свитер и джинсы.

Гоша. Кинь каку и иди спать. Только откровенной мокрухи нам не хватало.

Нина. Она ему не нужна.

Гоша. Никто никому не нужен. Иди спать.

Нина. Мне Вадик нужен. А я ему нужна. А она – нет.

Гоша (*медленно идёт к Нине*). Сама подумай, в тюрьме у тебя будет Вадик?

Нина. Я в тюрьму не сяду.

Гоша. Я тоже, ни за какие деньги. Можешь даже не просить.

Нина. Ну Гоша!

Гоша совсем близко к Нине. Та резко поднимает руки с ножом над головой. Гоша бросается к ней, сбивает с ног и валит на пол – со стороны очень похоже на американский футбол.

Нина. Больно же!

Гоша. Мне тоже, знаешь ли. Ты мне руку порезала. С тебя ещё сотка – за физический ущерб.

Гоша поднимается, в правой руке у него нож, левая – в крови. Варвара вздыхает и переворачивается на спину.

Нина (*из-за кровати*). Гоша, а если ещё тысячу сверху?

Гоша. За что – за убийство?

Нина. Ну да.

Гоша. Во-первых, тысячи мало. А во-вторых, я не убийца, хоть и работаю с трупами.

Нина. Две тысячи.

Гоша. Нет.

Нина. Три.

Гоша. Нет же.

Нина. Ну Гоша!.. (*Помедлив.*) Ну хорошо – десять.

Гоша (*вздыхает*). Тебе мужа своего не жалко?

Нина (*поднимаясь*). Да какой он мне муж... Так – спонсор.

Короткая пауза. Гоша смотрит на кровоточащую руку. Нина встаёт, плетётся к выходу из спальни.

Гоша. Ну да. Не Вадик же!

Нина (*останавливается, оборачиваясь к Гоше*). Сам ведь понимаешь!

Гоша. Нинуль, золотце. Тебе вообще известно, что такое сарказм?

Нина смотрит на Гошу. Тот улыбается, хоть и весь уже в крови.

Нина. Да ну тебя в жопу!

Гоша. Поздно, Нина. Я и так в ней по пояс.

Нина выходит. Гоша стоит, смотрит ей вслед, потом на спящую Варвару. Варвара тяжело вздыхает во сне.

Гоша. И то правда.

Затемнение.

Сцена четырнадцатая

Раннее утро. На кухне в квартире Варвары и Андрея в старом страшном ватнике, надетом прямо поверх больничной пижамы, сидит Андрей и прямо из кастрюли ложкой что-то ест.

На кухню заходит Варвара, подходит к мойке, берёт из шкафчика над мойкой стакан, набирает из крана воду, пьёт. Потом ещё раз. Поворачивается к Андрею. Ставит стакан рядом с мойкой.

Андрей улыбается, не переставая жевать.

Андрей. Очень кушать хочется.

Пауза. Варвара смотрит на Андрея, тот – на Варвару.

Варвара. Подожди, а как ты?..

Андрей (*перебивает*). А почему-то обе двери на замок не закрыты были. Я даже сначала стоял думал – звонить или нет, а потом смотрю – а общая дверь только прикрыта чуть-чуть. И я...

Варвара (*перебивает*). Нет, я не о том. Почему ты не в больнице?

Андрей (*улыбается*). А я сбежал.

Варвара. Зачем?

Андрей. Очень кушать хотелось. А ничего не было. Ну я и...

Варвара. Подожди, а одежда как же? Что это за тряпки?

Андрей. А, это. Ну это я в больнице в подвале взял. И валенки ещё. Они там в мусоре валялись.

Короткая пауза.

Варвара. Ужас, Андрей!

Андрей. Да я даже промёрзнуть не успел как следует.

Варвара. Я не об этом. Зачем ты суп холодный ешь?

Андрей. Да? А я не заметил.

Андрей улыбается. Варвара подходит, отбирает у Андрея кастрюлю, убирает в холодильник, ставит на плиту сковороду, зажигает спичками газ.

На кухню заходит Нина, видит Андрея и застывает.

Нина (*сдавленно*). Вадик?

Андрей резко прекращает улыбаться.

Андрей. Варь.

Варвара (копаясь в холодильнике). М?

Андрей. А эта как тут?

Нина. Вадик. Вадик!

На кухню заходит Гоша, в брюках и майке, левая рука – забинтована.

Гоша. Всем доброе утро. Ну что, завтрак?

Андрей. Варь.

Варвара. Да, Андрюш.

Андрей. Откуда эти люди у нас в квартире?

Пауза. Гоша идёт к столу, садится справа от Андрея. Нина стоит как и стояла, не в силах сдвинуться с места. Повязка на её голове разматалась и свисает неряшливыми бинтами.

Варвара (Нине). Садись. Сейчас завтрак приготовлю.

Нина медленно идёт к столу, садится слева от Андрея, не сводя с того глаз.

Андрей. Варь. Ты мне ответишь?

Варвара. Ох, Андрюш. Я не знаю. Как-то так получилось.

Андрей. Ты же не представляешь, что это за люди. Особенно эта.

Нина. Вадик.

Гоша. Да ну почему – обычные люди. Приматы, как и все. Не лучше, но и не хуже тебя, Вадик.

Андрей. Я – Андрей.

Гоша. Ну да, ну да.

Варвара стоит у плиты, на весу нарезает лук, роняя кольца прямо в масло на сковороде.

Нина. Вадик. Миленький.

Короткая пауза.

Андрей (не глядя на Нину). Послушай, Калякина. Я тебя не люблю. Раньше, может, и любил, а теперь – всё.

Нина. Любишь, Вадичек. Любишь. Ты ведь мне сам говорил.

Андрей. Ничего я тебе не говорил.

Нина. Говорил. И про то, что если разлюбил, то и не любил, значит, никогда.

Андрей. Значит, и не любил. Ошибался. Задурил себе голову.

Нина (плачет). Ну Вадик!

Пауза. Нина сидит, плачет, спрятав лицо в ладонях. Варвара продолжает готовить. Андрей и Гоша просто сидят.

Гоша. Ты взрослая баба, Нин. Тебе сорок лет уже. Двое детей. Муж замечательный – понятия не имею, как он тебя выдерживает. А ты в игрушки какие-то играешься – людям жизни пытаешься сломать. Себе в том числе. Сказал же он тебе, что не любит.

Нина (в ладони). А раньше не говорил! Раньше говорил, что любит!

Андрей. А тебе попробуй скажи, что не любишь.

Нина. Ну Вадик!

Гоша. Мы все устали, Нин. Поедим вот – и я тебя на вокзал отвезу.

Пауза. Варвара вынимает из шкафчика над мойкой четыре тарелки, ставит на стол, вынимает из большой глиняной кружки рядом с мойкой четыре вилки и кладёт рядом с каждой тарелкой. Раскладывает лопаточкой яичницу по тарелкам. Садится за стол рядом с Андреем.

Некоторое время все молча едят – даже Нина, которая стянула с головы повязку, вытерла ей лицо и высморкалась в неё, а потом зачихала в карман джинсов.

Андрей (Гоше). Как вы меня нашли?

Гоша (улыбается). Нина фотку увидела в фейсбуке. Ту, где мы с тобой шапками менялись. Ну и позвонила мне, попросила помочь тебя найти. За деньги, конечно.

Андрей. Подожди, ты же удалил все фотографии, как я и просил? Я же видел!

Гоша. Удалить-то я их удалил. Но у меня все фотографии со смартфона автоматически в облако сохраняются. Так что... (Гоша с улыбкой пожимает плечами.)

Андрей. В облако?

Гоша. Я смотрю, ты вообще не поменялся: как был технофобом, так и продолжаешь им быть.

Короткая пауза.

Нина. Вадик...

Андрей. Я уже десять лет как не Вадик, а Андрей – у меня и в паспорте так.

Варвара. Мерзкое какое-то имя – Вадик.

Андрей. А я от него и сбежал. (Помедлив.) И от неё вот. (Указывает на Нину.)

Нина снова плачет, еда вываливается у неё изо рта.

Гоша (Нине). А ты думала, он тебе на шею кинется, когда увидит?

Нина энергично кивает. Пауза.

Андрей. Нет ничего глупее, чем школьная влюблённость. Особенно такая, которая сразу после выпускного не заканчивается, а тянется как резина дальше и дальше. И что делать с этой резиной – непонятно.

Короткая пауза. Нина молча плачет.

Андрей. Я в какой-то момент настолько устал от всей этой истории, что всерьёз начал подумывать с крыши прыгнуть.

Нина. Вадик...

Андрей. Мне, Нина, постоянно снилось, как меня с тобой в одной могиле закапывают. Я так понимаю, это потому, что я с тобой как в ловушке был, как в общей клетке.

Короткая пауза. Нина молча плачет.

Андрей. Всю жизнь ты мне испоганила!

Гоша. Ну вот тут я бы с тобой поспорил. Тебя никто насильно в подвале на цепи не держал. Сказал бы ей сразу, что всё, охладел, – всего этого и не было бы. Никто никому нервы не трепал бы, никто никому в гробу бы не снился.

Нина. Вадик... Ну как же так?..

Андрей. Да ну, как такое скажешь?

Гоша. Сейчас же сказал.

Варвара встаёт из-за стола, собирает пустые тарелки, снимает с крючка на стене полотенце, даёт его Нине.

Варвара. На, утрись.

Нина вытирает лицо полотенцем.

Варвара. Всё это, конечно, прекрасно, ребята, но мне на работу надо. Ещё и голова раскалывается. Так что пять минут – и расходимся.

Гоша. Варвара, давайте, что ли, по кружке чаю, а? И всё.

Варвара молча набирает в чайник воду, ставит его на плиту, зажигает спичками газ. Вынимает из шкафчика над мойкой четыре кружки, ставит на стол. Из другого шкафчика вынимает коробку с чаем, из неё – чайные пакетики, кладёт по пакетику в кружку. Коробку оставляет на столе.

Нина (Андрею). Ты меня боялся, что ли?

Андрей пожимает плечами, потом, чуть помедлив, кивает утвердительно.

Гоша (улыбается). Он тебя до сих пор боится. Просто расхорохорился на публику.

Длинная пауза. Все ждут, когда закипит чайник. Когда он наконец закипает, Варвара встаёт из-за стола, снимает чайник с плиты, разливает кипяток по кружкам.

Нина. Что теперь делать?..

Гоша. Домой ехать – к мужу и детям. Время приключений закончилось.

Андрей. Так это что – всё, что ли? Конец?

Гоша. А тебе понравилось, да?

Андрей (пожимает плечами). Ну... нет.

Короткая пауза.

Гоша. Людей в мире много. Ты не представляешь себе – сколько. И чуть ли не все на одно лицо. Голые обезьяны, без одежды особенно жалкие. Прорва голых обезьян. Бери себе любую и развлекайся до посинения. (Помедлив.) Остался бы со мной в морге работать – совсем по-другому на мир смотрел бы.

Андрей. Ты это к чему?

Гоша не отвечает. Варвара закрывает лицо руками. Сидит так некоторое время. После убирает руки от лица. Слёз на лице нет.

Варвара. Нет. Не буду. Не люблю это всё.

Затемнение.

Сцена пятнадцатая, последняя

Кабинет Психотерапевта – розовые стены, массивный стол-тумба, три красных кресла (обивка из искусственной кожи местами сильно потрескалась, кое-где даже виден жёлтый поролон набивки), в углу возле окна – массивный вентилятор на металлической ноге. На столе – фигурка роденовского «Мыслителя», тюбик с клеем и электрическая точилка в виде гориллы, в рот которой нужно вставлять карандаш.

Психотерапевт – седовласый мужчина, поразительно похожий на известного американского кинорежиссёра – сидит на офисном стуле за столом. Точно такой же мужчина – Дуппельгангер – сидит в кресле напротив стола.

Психотерапевт. Раздевайтесь.

Доппельгангер. Серьёзно?

Психотерапевт. Да.

Доппельгангер. Зачем?

Психотерапевт. Меня интересует ваш габитус.

Доппельгангер. А ты из этих, да?

Короткая пауза.

Психотерапевт. Из каких?

Доппельгангер. Из тех самых. Из онанистов.

Длинная пауза. Психотерапевт и Доппельгангер смотрят друг на друга.

Психотерапевт. А даже если и так, то что?

Доппельгангер. Ничего хорошего.

Психотерапевт. Кто из вас без греха, пусть первый бросит в меня камень, как говорится.

Доппельгангер. Ну так я и брошу.

Психотерапевт. А что, правильный такой?

Доппельгангер. Нет. Просто в грех не верю.

Психотерапевт (*потихоньку встаёт из-за стола*). А чем тебе тогда онанисты помешали?

Доппельгангер (*потихоньку встаёт из кресла*). Ничем.

Психотерапевт хватает со стола точилку – она к нему ближе. Доппельгангер спокойно берёт статуэтку.

Психотерапевт. И в чём дело тогда?

Доппельгангер. Просто не люблю тех, кто пользуется положением. Некрасиво это. Плохо – с точки зрения эстетики.

Психотерапевт швыряет в Дюппельгангера точилку, промахивается и пытается покинуть кабинет. Дюппельгангер, в свою очередь, швыряет статуэткой в Психотерапевта и попадает тому в спину. Психотерапевт со стоном падает на пол у двери.

Дюппельгангер. Нехороший ты человек.

Короткая пауза. Психотерапевт лежит на полу, хнычет. Дюппельгангер подходит к нему.

Дюппельгангер. Жалкий ты корнеплод. Самое место тебе в земле.

Психотерапевт (громко). Убивать меня будешь?

Дюппельгангер. Зачем же? Просто посажу тебя в землю вверх ногами. Может, и вырастет что-нибудь путное.

Дюппельгангер подходит к Психотерапевту, вынимает из кармана пиджака шёлковый шарф, склоняется над Психотерапевтом.

Психотерапевт громко кричит.

Затемнение.

Эпилог

Почти ночь. Общий вагон электрички. Людей совсем мало. Практически все залипают в смартфоны.

Друг напротив друга сидят Андрей и Старик с окладистой белой бородой. Андрей в той же старой страшной телогрейке и валенках. На голове у Андрея – шапка-манул, принадлежавшая когда-то Гоше. Старик одет как обыкновенный старик.

Андрей. Домой едете?

Пауза. Старик смотрит на Андрея. Тот улыбается.

Старик. А тебе какая разница? Ты меня знаешь, что ли?

Андрей. Да я так – разговор поддержать.

Старик. А что, был какой-то разговор между нами, чтоб его поддерживать?

Пауза. Старик смотрит на Андрея. Тот не улыбается.

Андрей. Ну скучно так-то.

Старик. Скучно ему. Пялился бы в телефон, как все остальные, и не скучал бы.

Андрей. Так у меня нету телефона.

Старик. Как это так – нету? У всех есть.

Андрей. И у вас?

Старик. А как же.

Старик вынимает из кармана кобуха старенькую «Нокиа 3310», показывает Андрею.

Старик. Видишь, какая штука? Внучка ещё десять лет назад подарила, до сих пор работает.

Андрей (*пожимает плечами*). У меня и такой штуки нет и не было никогда.

Старик. Вот это ты уникам!

Андрей. Да я просто не люблю всё вот это. Компьютеры все эти, смартфоны.

Старик. Так тебя что, и в «Одноклассниках», что ли, нет?

Андрей. Не-а.

Старик. Вот же ты загадочный.

Андрей. Обыкновенный. Раньше ни у кого таких не было – и никто не удивлялся.

Старик. Так то раньше. Скажешь тоже! Раньше ты б на санях ехал, а не на поезде. И волков всю дорогу боялся бы. (Помедлив.) Куда едешь, кстати?

Андрей. Да так. К родне.

Короткая пауза. Андрей смотрит в совершенно тёмное окно.

Старик. Бомжуешь, что ли? Одет что-то совсем никудышно.

Андрей. Да это так... Обстоятельства такие.

Старик. По лицу – так и непьющий вроде. И на сидельца не похож.

Андрей. Просто так получилось.

Старик. Бежишь от кого?

Пауза. Андрей пожимает плечами. Вздыхает.

Старик. Только не говори, что от себя.

Андрей (улыбается). А есть смысл?

Старик. Ну, как знать. Может, и есть. Во всём смысл есть, если подумать. (Помедлив.) Или нет.

Короткая пауза.

Андрей. Сколько лет, говорите, внучке?

Старик. Тридцать пять.

Андрей. Ого. А вам тогда сколько?

Старик. А это неважно. (Помедлив.) Михал Михалыч.

Андрей. Петя.

Андрей и Старик обмениваются рукопожатием. Андрей улыбается. Старик тоже.

В вагон заходят два совершенно одинаковых парня, одетых не по погоде – в тонкие джинсовые курточки, спортивные штаны и кроссовки. На голове у обоих – одинаковые шапки петушком. Первый парень держит в руках гитару, у второго на груди – баян. Парни без лишних предисловий начинают играть и петь что-то вроде «Мы будем жить с тобой в маленькой хижине на берегу очень тихой реки».

Невысокая сутулая женщина непонятного возраста встаёт со своего места, выходит в проход и начинает неистово танцевать.

Занавес